

УДК 821.161.1.09+929

«Близорукость» как оценочная метафора в метропольной литературе 1920–1930-х годов

Е. Г. Трубецкова

Трубецкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, etrubetskova@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению функций метафоры «близорукости» в отечественной литературе 1920–1930-х гг. Показывается, как изменение политического и культурного контекста эпохи влияет на осмысление данной метафоры и связанных с ней образов «оптических протезов» (очков / пенсне / лорнета / монокла).
Ключевые слова: близорукость, визуальность, очки, метропольная литература, метафора.

'Short-sightedness' as an Evaluative Metaphor in Metropolitan Literature of the 1920–1930s

E. G. Trubetskova

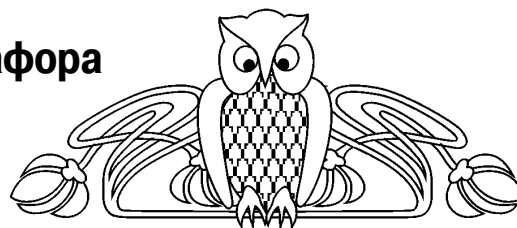
Elena G. Trubetskova, <http://orcid.org/0000-0001-7728-2382>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, etrubetskova@gmail.com

The article considers the functions of the 'short-sightedness' metaphor in the metropolitan literature of the 1920–1930s. The author shows how political and cultural context of the epoch influences the comprehension of this metaphor and of the images of the 'optical prosthetic devices' (glasses / eye-glasses / lorgnette / monocle) related to it.

Keywords: short-sightedness, visibility, glasses, metropolitan literature, metaphor.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-211-216>

Метафорические проекции морбуальности находятся в центре внимания современных философских (М. Фуко¹), культурологических (С. Сонтаг², Н. Тамручи³) и филологических исследований (Т. Шмелева⁴, Л. Геллер⁵, К. Инчин⁶, Е. Трубецкова⁷). «На болезнь проецируется наше восприятие зла. А болезнь (обогащенная смысловыми оттенками) проецируется на мир»⁸, – писала Сюзан Сонтаг. Необходимо отметить, что процесс метафоризации протекает в двух направлениях: названия болезней переносятся на обозначение социальных, культурных процессов и личностных недостатков, в то же время при обозначении диагнозов часто используются общеязыковые метафоры. В частности, в офтальмологии это «синдром плавающих глаз» (неассоциированные движения глаз при кровоизлиянии в головной мозг); географический кератит (вирус, при котором пораженная роговица приобретает рисунок, напоминающий географическую карту);

синдром вишневой косточки (закупорка ствола центральной артерии сетчатки вследствие спазма, эмболии или тромбоза) и множество других⁹. Предмет исследования данной статьи – анализ метафорического осмысления близорукости и методов ее 'коррекции' в советской литературе 1920–1930-х гг.

Дефекты зрения становятся богатым источником метафор в разных культурах. Зловещий Полифем, пожирающий спутников Одиссея; Балор, в ирландской мифологии убивающий силой своего взгляда; одноглазое Лихо у славян показывают, что физический недостаток – отсутствие второго глаза – ассоциируется с чем-то инородным и зловещим (и наоборот: визуальное представление о воплощении злого героя или духа связывается в архаическом сознании с физическим отклонением).

«Слепой» в переносном значении понимается как 'духовно, нравственно или научно незрячий, непросвещенный, ослепленный убеждением, страстью, безрассудством'», – такую трактовку дает В. И. Даль¹⁰. В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева неправедный властитель – тот, кто страдает глазным недугом. Исцеляет его странница Прямовзора, восклицающая: «Я – врач, присланный к тебе и тебе подобным, да очищу зрение твое <...> Какие бельма! <...> а ты столь решительно судил о всем. – Потом коснулась обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобную роговому раствору. – Ты видишь, – сказала она мне, – что ты был слеп и слеп всеосвершенно. Я есмь Истина»¹¹.

Подобно 'слепому' 'близорукий' имеет переносный смысл: 'недальновидный, лишенный пронизательности'¹². «Политика близорукого» высмеивает Николай Языков («Счастлив, кому судьбою дан...», 1823), о «черни близорукой» пишет Аполлон Майков («Сны», 1855), едкая эпиграмма на Александра Островского Николая Щербины названа «Четверостишие, сказанное близорукой завистью» (1853).

При этом антоним близорукости – дальнорукость – в переносном смысле не воспринимается как дефект зрения и не имеет отрицательных коннотаций. Синонимы 'дальнорукого' – 'дальновидный', 'предусмотрительный, предвидящий возможные последствия'¹³.

В послереволюционной культуре 'близорукость' и 'слепота' часто употребляются в политическом контексте. Классовая/политическая близорукость становится синонимом непростительных

для пролетарского сознания идеологических просчетов. Множество примеров трактовки «ошибок» в зрительном коде как «слепоты» приводят Александр Жолковский¹⁴ и Виолетта Гудкова¹⁵. В этом отношении показательна пьеса Бориса Лавренива «Мы будем жить!», где один из отрицательных героев, подвергающий сомнению научные опыты профессора-физиолога Котельникова – подвижника науки, – «сутулый студент в очках» (так он охарактеризован в списке действующих лиц). А «врач, партийка» Молчанова предупреждает: «<...> в кучке студентов ораторствовал слонявенький, сутулый, близорукий интеллигент». Она подозревает, что вокруг профессора затевается заговор, при этом употребляет офтальмологический диагноз уже в переносном смысле: «Один близорукий не страшен, но близоруких много»¹⁶. Другой «врач, партиец» Левченко обвиняет своего беспартийного коллегу в политической близорукости и недалекости: «Чудак ты, Леонид! Зрение у тебя занавешено врожденной катарактой <...> Крот!»¹⁷

В «Третьем Рождестве» Константин Олимпов, объявляя себя «Вещим Пролетарием», открывшим «бессмертия глаза», призывает «<...> в очередь пороть // Тунейдцев близоруких, // Чтобы леность побороть»¹⁸. А герой поэмы Леонида Лаврова в противовес «глухим отцам семейства» и «близоруким бизнесменам», исповедующим «всемирную скуку», уверен, что «Коммунизм – это там, <...> где умеют видеть // Невидимый оттиск света». Это:

Наука искусства видеть
Диалектику каждой вещи,
Которая изучит кипень
Ветра в листве березы,
Влияние шороха тени
На рост человеческой грусти,
Безумную страсть самовара
К семейству веселых чашек...¹⁹

Поэма Лаврова имеет загадочное название «НОБУЖ», которое расшифровывается в последней строфе как «Наука Об Уплотнении Жизни», с которой и связывается построение будущего гармоничного общества.

Оппоненты большевизма, прибегая к метафорам, показывали обратное: коммунизм – это не «наука искусства видеть», а нравственная и духовная «слепота». Иван Бунин в «Окаянных днях» называет Маяковского и Ленина «полифемами», подчеркивая их отрицательную роль в истории и искусстве России. «Одноглазие» осмысливается Буниным как узость взглядов и скудость мышления. «Одноглазый Полифем, к которому попал Одиссей в своих странствиях, намеревался сожрать Одиссея. Ленин и Маяковский (которого еще в гимназии пророчески прозвали Идиотом Полифемовичем) были оба тоже довольно прозорливы и весьма сильны своим

одноглазием. И тот и другой некоторое время казались всем только площадными шутами. Но недаром Маяковский назвался футуристом, то есть человеком будущего: полифемское будущее России принадлежало несомненно им, Маяковским, Лениным»²⁰.

Зрительных метафор будет много и в литературном, и в социальном дискурсе постреволюционного периода. Так, на разоблачение 'политической близорукости' или 'слепоты' нацелено было «недремлющее око ЧК» (прообраз глаза Большого Брата у Оруэлла), по аналогии образовалась и метафора «недремлющее око милиции». Это было отражено и в профессиональной атрибутике. На смену Всевидающему Оку, запечатленному в масонской символике, в Советском Союзе приходит «око МУРа»: для сотрудников Московского уголовного розыска выпустили значок, представляющий собой треугольник, внутри которого на синем фоне был изображен человеческий глаз. По сторонам треугольника – надпись «Московский уголовный розыск», а в нижней части – серп и молот, над которыми на выпуклой табличке проставлен номер²¹.

Советский писатель должен был в полной степени овладеть «Искусством видеть мир» – так называет свою программную статью Александр Воронский. А для этого было необходимо преодолеть социальные болезни: «У искривленного общественного человека должны быть и искривленные восприятия мира, образы и представления. В нас, как в зеркале с неровной поверхностью, действительность отражается в искаженных формах. Мы более похожи на больных, чем на нормальных людей. Прошлое, господствующая капиталистическая среда, пережитки миллионы людей делают такими больными и ненормальными»²².

Юрий Олеша, признавая в 1932 г. свои ошибки, говорит о готовности «перестроиться» и отражать мир в соответствии с требованием сегодняшнего дня. Но, используя визуальные метафоры, показывает сомнительную достоверность «нового видения»: «Я, конечно, перестроюсь, но как у нас делается перестройка? Вырываются глаза у попутчика и в пустые орбиты вставляются глаза пролетария. Но никто из хирургов, которые производят операцию, не знают, что такое глаза пролетария. Сегодня – глаза Демьяна Бедного, завтра – Афиногенова, и оказывается, что глаза Афиногенова с некоторым бельмом»²³.

Абсурдность видения, игнорирующего неприглядные стороны жизни, омрачающие существование, отражена в рассказе Даниила Хармса «Оптический обман»:

«Семен Семенович, надев очки, смотрит на сосну и видит: на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович, сняв очки, смотрит на сосну и видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семенович, надев очки, смотрит на

сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович, сняв очки, опять видит, что на сосне никто не сидит.

Семен Семенович, опять надев очки, смотрит на сосну и опять видит, что на сосне сидит мужик и показывает ему кулак.

Семен Семенович не желает верить в это явление и считает это явление оптическим обманом»²⁴.

Ж.-Ф. Жаккар подчеркивает, что рассказ был написан Хармсом в 1934 г., когда состоялся Первый съезд советских писателей. И проблема «видения» была актуальна и в политическом отношении как вопрос о мировоззрении автора, и в эстетическом – как печальный итог экспериментов авангарда, когда вынужденная «узость взгляда» пришла на смену «расширенному зрению». «Семен Семенович предпочитает рассматривать как обман то, что очки открывают ему в мире. Он предпочитает “рассеянный взор” поэта на текущий мир. Но есть риск, что этот “широкий взгляд” окажется лишь простой близорукостью, не устраняющей конкретности кулака, который в любом случае проломит ему череп. И тогда об оптическом обмане уже не будет речи.

Зато оптическим обманом является, вероятно, любая система видения – восприятия мира как неделимой целостности. И обман этот опасен, поскольку, как история показывала, показывает и, к сожалению, будет показывать, мужиков на соснах слишком много»²⁵.

Приведенный пример связан и с важным для рассмотрения различных дефектов зрения образом очков. Как писал А. Флакер, вся изображенная Хармсом сцена показывает и нежелание интеллигенции, атрибутом которой является образ очков, замечать угрозу, олицетворяемую грубым мужиком»²⁶.

Образ очков в 1920–1930-е гг. в советской культуре получает новое осмысление, что связано с социально-политическим контекстом времени.

Традиционно очки / пенсне / лорнет / монокль, помимо прямой функции коррекции зрения, имели и метафорическое толкование. Они являлись атрибутом ученого, мыслителя (так как ухудшение зрения связывалось с нагрузкой на глаза, вызываемой чтением). В связи с изначальной дороговизной материала и способом его обработки очки могли демонстрировать статус и богатство человека²⁷. Интересно, что в России на рубеже XVIII–XIX вв. они ассоциировались с вольнодумством и независимостью²⁸. В сатирическом плане очки выступали как символ псевдоучености.

В советской литературе ‘близорукость’ и связанный с ней образ очков становятся маркером в оппозиции свой/чужой. Ущербность зрения противоречила культу здорового тела, новый человек должен был быть совершенным и духовно, и физически²⁹, поэтому очки в 1920–1930-е гг. ассоциировались со слабохарактерной/«старо-

режимной» интеллигенцией (в «Двенадцати стульях» Е. Ильфа и А. Петрова, «Конармии» И. Бабеля, поэме «Во весь голос» В. Маяковского, «Собачьем сердце» М. Булгакова, в пьесе Б. Лавренева «Мы будем жить!»). В рассказе Набокова «Истребление тиранов» герой, став жестоким правителем, перестает носить очки, видимо, воспринимая их как свидетельство недостойной великого человека неполноценности.

Необходимо отметить и образование в после-революционной культуре явной дифференциации в отношении к разным оптическим приборам, корректирующим зрение. Так, К. Вагинов в «Козлиной песни» фиксирует принципиальное отличие между все-таки более нейтральными «очками» и уходящим в прошлое «пенсне». На крик Марьи Павловны: «Никто не носит теперь пенсне! <...> Теперь очки носят!» – его герой Тептелкин (который демонстративно ходит по саду, между коз, «в галошах, в пенсне») заявляет: «Плевать! <...> я человек старого мира, я буду носить пенсне, с новой гадостью я ничего общего не имею!»³⁰

Еще более сильные семиотические нагрузки получают монокль и лорнет, всегда воспринимавшиеся как модные аксессуары. Еще до революции Давид Бурлюк эпатажно обыгрывал свой физический недостаток – отсутствие глаза, – демонстративно нося лорнет, что отражено в воспоминаниях и в поэтических текстах многих современников: «Человек в ободренных брюках, одноглазый, остроумный и с лорнетом»³¹, – таким запомнил его Виктор Шкловский. «Сатир одноглазый», – назвал очерк о Бурлюке Алексей Крученых и, конечно, заостряя тезис, писал: «Если бы я был приверженцем биографического метода в искусстве, то весь футуризм Д. Бурлюка мог бы вывести из его одноглазизма»³², так как «ненормальность зрения Бурлюка приводит к тому, что мир для него раскоординировался, смешался, разбился вдребезги»³³, стал готовой «футур-картиной».

В «Облаке в штанах» Маяковский нарисовал шокирующий обывателей портрет друга:

сквозь свой
до крика разодранный глаз
лез, обезумев, Бурлюк³⁴.

На наш взгляд, приведенное ранее бунинское сравнение Маяковского с Полифемом, возможно, возникает у автора «Окаянных дней» «по смежности» – по ассоциации с Давидом Бурлюком, отсутствие глаза которого неоднократно эффектно обыгрывалось и самим поэтом, и его окружением.

Велимир Хлебников, обращаясь к фольклорным поверьям, связывающим оптические приборы (и тем более – протезы) с мистическим началом, в стихотворении «Бурлюк» писал:

Одноглазый художник,
Свой стеклянный глаз темной воды

Вытирая платком носовым и говоря: «Д-да», –
Стеклом закрывая
С черепаховой ручкой.
И, точно бурав,
Из-за стеклянной брони, из-за окопа
Внимательно рассматривал соседа,
Сверлил собеседника, говоря недоверчиво:
«Д-да».
Вдруг делался мрачным и скорбным.
Силу большую тебе придавал
Глаз одинокий.
И, тайны твоей не открыв,
Что мертвый стеклянный шар
Был товарищем жизни, ты ворожил.
Противник был в чарах воли твоей,
Черною, мутною бездной вдруг очарован³⁵.

Лорнет, ставший у Бурлюка ярким атрибутом индивидуального мифотворчества, у Гиппиус подчеркивал дистанцию с собеседником и надменное отношение к нему. Это запечатлел Сергей Есенин в памфлете «Дама с лорнетом» (1925)³⁶, поводом к которому послужила статья З. Н. Гиппиус «Общезвестное» в газете «Последние новости»³⁷.

Михаил Булгаков в середине 1920-х гг. демонстративно стал носить монокль, подчеркивая оппозиционное отношение к пролетарской культуре. Мариэтта Чудакова называет это своеобразной «формой защиты». Любовь Белозерская вспоминала о рукописной домашней книжке «Муки-Маки» (названной по имени кошек, живущих в квартире) с иллюстрациями Н. А. Ушаковой, где был «маленький портрет Михаила Афанасьевича. Он в пальто, в шляпе, с охапкой дров (у нас печное отопление), но зато в монокле. Понятно, что карикатура высмеивает это его увлечение. Ох, уж этот монокль! Зачастую он вызывал озлобление, и некоторые склонны даже были рассматривать его как признак ниспровержения революции»³⁸. Монокль воспринимался как символ «барственной претензии». Сотрудник «Гудка» Арон Эрлих, тепло относившийся к Булгакову, счел знаменитую фотографию писателя с моноклем (1926 г.) настолько неуместной, что сделал ее экспонатом выставки курьезов «Сопли и вопли». Булгакова с моноклем изобразил в карикатуре Дмитрий Моор («Утешение скорбящим» (1927)), намекая на сочувствие писателя белогвардейцам в пьесе «Дни Турбиных». Публикация знаменитой фотографии Булгакова с моноклем в 1934 г. вызовет тревогу у Е. С. Булгаковой, записавшей 29 августа: «В многотиражке “За большевистский фильм” напечатано несколько слов М. А. о работе над сценарием “Мертвых душ” и портрет М. А. – в монокле! Откуда они взяли эту карточку! Почему не спросили у нас?»³⁹. Бравирование моноклем, вызывавшее раздражение и карикатуры в середине 1920-х гг., в 1930-е воспринималось еще более жестко. Елена Сергеевна, по-видимому, не только почувствовала ироничное отношение к Булгакову авторов заметки, разместивших такую

фотографию, но и опасалась последствий подобной публикации.

Прямое назначение очков/пенсне/монокля/лорнета – коррекция зрения. Они создают дополнительные возможности, в зависимости от проблемы, приближая или удаляя предметы, делая доступными ранее невидимые или едва различимые объекты. Поль Верильо называет их «оптическими протезами»⁴⁰, которые, с одной стороны, улучшают наше знание о реальности, но, с другой стороны, делают реальность иллюзорной, ставя под вопрос достоверность взгляда. Маршалл Маклюэн писал, что оптические медиа, расширяющие границы зрения, одновременно совершают его «ампутацию», приобретая власть над своим хозяином.

В метафорическом плане эта моделирующая функция очков ассоциируется с корректировкой мировосприятия реальности, что закреплено во фразеологизмах: в русском – «смотреть на мир через розовые очки», в английском – «to see the world through rose-colored glasses», в немецком – «durch die rosarote Brille zu sehen», во французском – «regarde le monde à travers des lunettes roses». Показательный пример подобного моделирования реальности с помощью «оптических протезов» можно видеть в знаменитой сказке Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный Волшебник из Страны Оз» («The Wonderful Wizard of Oz», 1900), на основе которой Александром Волковым был создан «Волшебник изумрудного города» (1939), где могущественный правитель в итоге признавался, что все великолепие его владений объясняется обязательным требованием к жителям и гостям города носить специальные очки, зеленые стекла которых и делали город «изумрудным». Интересно, что сказочный образ имеет и исторические корни. Император Нерон пользовался гладко отшлифованным изумрудом (по другим версиям – хризолитом), когда присутствовал на гладиаторских боях.

Образ волшебного города, рождающийся благодаря специальным очкам, вопреки задумке автора, получал сатирический подтекст в Советском Союзе 1930-х гг. Официальная литература, кинематограф и живопись делали советскую реальность неотразимо прекрасной, надевая на своего читателя/зрителя корректирующие очки. Восприятие реальности, моделируемой пропагандой официального искусства, будет замечательно отражено в проекте Леонида Сокова «Очки для каждого советского человека» (1976), представляющего зрителю увеличенный макет очков, куда вместо линз вставлены красные трафареты с отверстиями в виде пятиконечных звезд.

Александр Воронский в цитированной статье «Искусство видеть» считал, что «настоящий художник никогда не ограничивается видимой скорлупой явлений, но разбивает эту скорлупу, очищает от нее ядро, дабы мы могли “вкусить и

видеть” <...> он обладает особой способностью находить прекрасное само по себе там, где оно скрыто»⁴¹. Увидеть незримое, сфокусировать взгляд – эти моделирующие функции позволяют само искусство назвать «очками», «оптическими протезами», изменяющими наше представление о реальности.

Примечания

- 1 См.: Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. Стаф. М., 2010 ; *Его же*. Рождение клиники. М., 1998.
- 2 См.: Сонтаг С. Болезнь как метафора. М., 2016.
- 3 См.: Тамручи Н. Медицина и Власть // Новое лит. обозрение. 2013. № 122. С. 134–155.
- 4 См.: Шмелева Т. Тезаурус болезни. Русско-польские параллели // Studio Literaria Polono-Slavica. 6. Morbus, Medicamentum et Sanus. Warszawa, 2001. С. 13–34.
- 5 См.: Геллер Л. Враги здоровья и народа. Парадигма болезни в русском соцреализме // Там же. С. 351–364.
- 6 См.: Инчин К. Римское изречение «В здоровом теле – здоровый дух» и поэтика социалистического реализма // Там же. С. 385–397.
- 7 См.: Трубецкова Е. Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–68. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68
- 8 Сонтаг С. Указ. соч. С. 59.
- 9 См.: Дьяченко А. Офтальмология в метафорах и терминологически устойчивых выражениях. М., 2002.
- 10 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М., 1998. С. 228.
- 11 Радищев А. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 25.
- 12 В словаре Даля это слово отсутствует. Значение приведено по: Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 78.
- 13 Там же. С. 182.
- 14 См.: Жолковский А. Михаил Зощенко : поэтика недоверия. М., 1999.
- 15 См.: Гудкова В. Рождение советских сюжетов : Типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М., 2008.
- 16 Лавренев Б. Мы будем жить! // Лавренев Б. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М., 1984. С. 141, 165.
- 17 Там же. С. 164.
- 18 Поэзия русского футуризма / сост. и подгот. текста В. Альфонсова, С. Красицкого. СПб., 1999. С. 208.
- 19 Лавров Л. Из трёх книг. Стихи. М., 1966. С. 74.
- 20 Бунин И. Окаянные дни. М., 1991. С. 161.
- 21 Уникальный экземпляр этого значка сохранился в музее Московского уголовного розыска. Значок изготавливался из серебра 84-й пробы, его тираж не превышал 200 экз., поэтому он является фалеристической редкостью. «Значок выдавался каждому муровцу при исполнении им служебных обязанностей и возвращался, когда оперативник увольнялся из управления»

(URL: <https://sibnarkomat.livejournal.com/23791317.html> (дата обращения: 20.08.2018)).

- 22 Воронский А. Искусство видеть мир. Портреты. Статьи. М., 1987. С. 541.
- 23 Олеша Ю. О глазах Демьяна // Советский театр. 1932. № 3. С. 30.
- 24 Хармс Д. Оптический обман // Ванна Архимеда / сост. А. А. Александров. Л., 1991. С. 231–232.
- 25 Жаккар Ж.-Ф. «Оптический обман» в русском авангарде : «О расширенном smotrении» // Russian Literature. 1998. Vol. XLIII. С. 256.
- 26 См.: Flaker A. Priča kao osporavanje // Poetika osporovanja. Zagreb, 1984. С. 271. Цит. по: Жаккар Ж.-Ф. «Оптический обман» в русском авангарде ... С. 245.
- 27 Вначале они изготавливались из горного хрусталя, кварца или берилла (от последнего названия произошло «die Brille» – «очки» в переводе с немецкого).
- 28 В присутствии высочайших особ без специального разрешения было не принято надевать очки. Это отражено в романе Д. С. Мережковского «Александр Первый», один из героев которого, князь Валерьян Голицын, поплатился за нарушение неписаного правила: «Очки погубили карьеру князя Валерьяна Михайловича Голицына». Свой проступок он объясняет возмущенному дяде длительным отсутствием в России: «На вчерашнем дворцовом выходе в очках явился; отвык от здешних порядков – из памяти вон, что в присутствии особ высочайших ношение очков не дозволено...» Дядя сокрушенно отвечает: «Поздравляю, племянничек! Камер-юнкер в очках! И свой карьер испортил, и меня, старика, подвел» (Мережковский Д. Александр Первый // Мережковский Д. Собр. соч. : в 4 т. Т. 3. М., 1990. С. 91).
- 29 См. об этом: Гудкова В. Указ. соч. ; Тамручи Н. Указ. соч.
- 30 Вагинов К. Козлиная песнь // Вагинов К. Полн. собр. соч. в прозе. СПб., 1999. С. 103.
- 31 Шкловский В. Случай на производстве // Шкловский В. Гамбургский счет. Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. С. 429.
- 32 Крученых А. Сатир одноглазый // Крученых А. К истории русского футуризма. Воспоминания и документы. М., 2006. С. 123. Крученых советовал: «Попробуйте, читатель, день-другой пожить с одним только глазом. Закройте его хотя бы повязкой. Тогда половина мира станет для вас теневой. Вам будет казаться, что там что-то неладно. Предметы, со стороны пустой глазной орбиты неясно различимые, покажутся угрожающими и беспокойными. Вы будете ждать нападения, начнёте озираться, всё станет для вас подозрительным, неустойчивым. Мир окажется сдвинутым – настоящая футур-картина» (Там же. С. 122.). И еще: «Известно, что двоеглазие, стереоскопичность нашего зрения, существенно помогают нам судить об удаленности предметов. Поэтому естественна утеря перспективы у Бурлюка» (Там же. С. 124). Крученых приводит описание и футуристически эпатажного жеста Бурлюка: «Однажды, где-то на Дальнем Востоке, ему пришлось в каком-то кафе схватиться с одним комендантом. Дошло до ссоры. Комендант грозил отправить Бурлюка в солдаты. Бурлюк кричал:

– Нет, не отправите!
– Отправлю! – комендант выходил из себя.
– Попробуйте! – сказал Бурлюк, вынул свой стеклянный
глаз и торжествующе показал коменданту» (Там же.
С. 126).

³³ Крученых А. Сатир одноглазый. С. 126.

³⁴ Маяковский В. Облако в штанах // Маяковский В. Соч. :
в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 15.

³⁵ Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 163.

³⁶ См.: Есенин С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. М., 1962. С. 83–84.

³⁷ См.: Последние новости. Париж. 1925. 8 апр. (№ 1520).

³⁸ Белозерская-Булгакова Л. Воспоминания. М., 1989.
С. 134.

³⁹ Булгаков М., Булгакова Е. Дневник Мастера и Маргариты. Михаил и Елена Булгаковы. М., 2003. С. 224.

⁴⁰ См.: Верильо П. Машина зрения. СПб., 2004.

⁴¹ Воронский А. Указ. соч. С. 546.

Образец для цитирования:

Трубецкова Е. Г. «Близорукость» как оценочная метафора в метропольной литературе 1920–1930-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 211–216. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-211-216>

Cite this article as:

Trubetskova E. G. 'Short-sightedness' as an Evaluative Metaphor in Metropolitan Literature of the 1920–1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 211–216 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-211-216>
